

К 65-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОРЛОВЩИНЫ

Ливенско-венское направление
сержанта Домникова(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Не думал, конечно, и не мечтал бывший деревенский пастих из далекой хомутовской деревушки Бездонное, что он когда-нибудь вот так запросто пожмет руку Президенту России. В тот день ветеран поднимал в Белокаменной фронтные «стограммы» за тех, кто не вернулся с великой войны, за ныне живущих фронтовиков и за мир на земле — за главное, что нужно каждому человеку и всему человечеству.

В те московские дни многие Дмитрию Дмитриевичу вспомнилось. Довоенное детство, фронт в 18 лет, а затем снова мирная жизнь, разделенная на две половины — сельскую и городскую. До войны Дмитрий успел только кончить семилетку да поработать в родном совхозе «Паньковский», где летом пас свиней, зимой помогал матери на ферме. Он был старшим сыном в семье, где росло

нынешнего вузовского образова-

ния. В июле 1942-го новоиспеченный 18-летний сержант отбыл на передовую. Тербуны, Поньры, станция Возы — эти названия дошли до бойцов отсюда-то со стороны, а у них днем и ночью перед глазами были свои и вражеские ревущие танки, кровопролитные бои, ведь начинать свою войну Дмитрию пришлось командиром отделения автоматчиков танкового прикрытия.

В фильмах про Отечественную войну их часто показывают сидящими на броне или бегущими рядом с мчащимися вперед танками, а танк в бою — главная мишень

лины домов, вражеский массированный артиллерийский обстрел, атаки штурмовиков... Но наши войска ничем нельзя остановить. Уже где-то под Брянском бойца ждали и первая серьезная контузия (снаряд попал в танк, на броне которого сидел Дмитрий), и первая награда — орден Красной Звезды.

Танковую бригаду резерва, укомплектованную и маневренными «тридцатьчетверками», и мощными КВ, «Исами», бросали на самые ответственные участки сражений, поэтому успел повоевать Домников и в Прибалтике, где форсировал Двину и освободил Ригу, и в Молдавии. С боями про-

де артиллерийского полка. Демобилизовался в Дербенте (Азербайджан) в 1947 году. Когда вернулся в родную деревню, бравого старшину направили воспитывать молодое поколение — физиком в школу. Справлялся, но со временем понял, что «грамотешки» мало. Поехал учиться в Елецкий учительский институт, затем вновь школа, Судбищенский райисполком. Оттуда упростили вернуться в совхоз «Паньковский», который тогда вел большое строительство. По командировке хозяйства на три месяца выезжал в Горьковскую область на заготовку делового леса, где и повстречал свою вторую половинку — Анну Ивановну, с которой они уже прожили душа в душу 56 лет.

В Панькове Анна работала дояркой, а Дмитрия уговорили переключиться на бухгалтерские курсы. Послали в Орел на специальные курсы. Но, закончив их, Домников получил направление не к себе на родину, а в Ливенский район. В молодой семье уже росла дочь, и они решили остаться в Орле. Хозяин дома, в котором еще курсантом Дмитрий снимал комнату, помог устроиться на работу — мастером подготовки производства на «Дормаш». В литейный цех пошла Анна Ивановна. Так почти 50 лет назад началась их городская жизнь.

В Знаменке Орловской, на участке, полученном от завода, стали строить дом, конечно, самый дешевый, шлакокаменный, но просторный. Со временем потихоньку его благоустроили, а несколько лет назад обложили кирпичом. Стоящую рядом времянку с помощью зятя также перестроили, и теперь в ней живет старшая внучка с семьей. Со временем переезжал Дмитрий сюда и своих сестер, так что теперь Домниковых в Знаменке немало.

Дмитрий Дмитриевич с явным удовольствием показывает нам свой просторный, ухоженный дом с отличным садом. Строил ведь сам, своими руками, а значит, на века. На жизнь не жалуется, все рядом: добрая хозяйка супруга, любимая дочь и отличный зять, внуки и правнуки. Деда все уважает и ценит, ведь жизнь он прожил честно и чисто по-мужски: и Родину защищал, и семью отличную создал, и дом построил.

Подняли мы с ним и по чарочке. Конечно, за тех, кто не вернулся с той войны, за тех, кто в ней жив остался, и за то, чтобы больше никогда не было войны.

Юрий СЕМЁНОВ.
Орловский район.
Фото автора.

шесть детей, поэтому с детства привык быть первым помощником родителей.

Когда началась война, не сомневался, что враг будет быстро разбит еще где-то там, на границе, жалел, что, наверное, не доведется ему повоевать, но, как оказалось, он ошибался. В феврале 1942 года пешим ходом по шаламам шли они, призванные Новодеревенского района, до Ельца, где находился тогда призывной пункт. Зачислили Дмитрия в 181-й запасной стрелковый полк и почти сразу же направили учиться в Липецк, в сержантскую школу: ведь была семилетка за его плечами, что по престижу было тогда выше

дья врага, значит, и они, автоматчики прикрытия, та же главная мишень. В каждом сражении гибли друзья и товарищи, но какая-то высшая сила отводила от юного бойца все пули и осколки...

Летом 1943 года танковый полк 118-й отдельной танковой бригады резерва Главного командования, в составе которого служил уже помощником командира, сражался на ливенском направлении. С особым трепетом пересек юноша границу родной Орловщины, мечтая поскорее отогнать врага от отчего дома, от малых сестреноч. Битву за Орел Дмитрий помнит смутно. Ревутя вперед танки, автоматчики на броне... Ночь, разва-

шел-проехал всю Румынию, затем Венгрию. При форсировании Дуная их полк потерял сразу пять танков с экипажами. Запали в душу Дмитрию слова последнего Брегадзе: «Жалко не технику, жалко людей».

После тех боев засияла на груди у Дмитрия главная солдатская медаль — «За отвагу».

Вестю о победе застала Домникова в Вене, но впереди у него еще был поход на Прагу, где немцы дали нашим войскам последний кровопролитный бой. Пока лежал в госпитале в Брно, бригаду передислоцировали на Дальний Восток — сражаться с японцами. Поэтому дослуживал он уже в соста-

уже отцветала в садах сирень, считанные дни оставались до школьных каникул. Василий Бочаров оканчивал девятый класс и вместе с друзьями мечтал о поступлении в Орловское бронетанковое училище. Наступало лето... Лето 1941-го. В тот год в училище мальчишек так и не взяли. Им не было еще и семнадцати. А завтра была война...



заводы. А третьего октября и вовсе всё стихло.

— Мы с ребятами пошли посмотреть, что происходит. Только в Торговые ряды вошли, на встречу машина легковая, а за ней танк немецкий и палит из пулемета. Снаряды по колоннам так и щёлкают. Мы бежать, еле уцелели. А потом была оккупация. Нас гоняли чистить снег, убирать улицы. Ничто не работало. И есть было нечего. Приходилось воровать горелое зерно на элеваторе. Если поймать — пристрелят. Немцам то зерно и не нужно было, но тех, кто его крам, приравнивали к мародерам.

...Перед освобождением Орла Бочарова и ещё трёх его знакомых ребят угнали в Брянск. Там у излучины Десны стоял огромный лагерь для военнопленных.

— Пробили мы в нём недолго, всего день-два, и бежали, — рассказывает наш герой. — Но если бы с нами не было отца Олега Мосина — Ивана Филипповича, побег едва ли удался бы. Ещё в Орле, когда немцы пришли забирать сына, отец груду встал на его защиту, но отдавал. Так старика вместе с нами в Германию и потащили.

Судьба пулемётчика

Вскоре освободили Брянск. Первого сентября 1943 года Бочаров добрался до дома. А уже третьего он принимал присягу в Брянском запасном полку. Здесь за четыре месяца Василий прошёл подготовку командира расчёта станкового пулемёта и командира отделения ПТР. Кроме того, стал первокурсным лыжником.

Тогда, в январе 1944-го, шли тяжёлые сражения под Ленинградом.

— Мы попали в штурмовую группу. И сразу в бой. А штурмовики — это всё равно что смертники. Если из трёхсот пятидесяти человек после атаки оставалось с десяток живых, непокаленных, и то слава богу. Такие группы пополнялись особыми ребятами, вроде нас — но вобранцев с оккупированных территорий. Тогда ведь как было: раз находился в оккупации, значит, чуть ли не предатель. Помню, когда в армию призвали, на меня офицер посмотрел и говорит другому: «Его бы в училище...». А тот отвечает: «Пусть кровью искупит свою вину, а потом и в училище направим».

Крепко запали эти слова мне в душу.

— В первом бою страшно, наверное, было? — спрашиваю своего собеседника.

— Не то чтобы страшно. Всё как в тумане было. Ничего не соображал. Привели нас в окоп. Мне как командиру поставили задачу вывести отделение к двум деревьям на бугре. Сказали, будет артподготовка, потом в воздух взлетит красная ракета — и в атаку. Едва только ударила

Когда началась война, ей было семнадцать. Зинаида Александровна Швецова помнит, как в тёплый июньский день шла с девочками по Орлу, смеялись, радовались жизни... И вдруг две испуганные заплаканные женщины, повстречавшиеся на пути, цыкнули: «Что хохочете, дурочки?! Или не слышали? Война...».

— Страшно стало? — спрашиваю свою собеседницу.

— Нет, наоборот, захлестнула обида и злость. Хотелось сражаться. Когда в добровольцы просилась, мне сказали: «А если убьют?». Я ответила: «Ну и что. Кого-то и убьют. А я что, особенная?».

— И что, так никогда и не испугались за всю войну?

— Нет. И не заплакала ни разу. А сейчас, когда старые фильмы про войну смотрю, плачу. А ещё помню, как в госпитале мужчины плакали, когда весть пришла о том, что немцев под столицей разгромили. Я эти святые слёзы никогда не забуду...

Характер у нашей героини всегда был бойцовский. Минутные слабости не в счёт. С понимающей, снисходительной улыбкой вспоминает одну девочку, трусиху и плаксу. Но и таким место на войне нашлось. Кто посмелей — в окопы и перевязочные, а кто трусоват — в помощники к рентгенологу в госпиталь...

Зинаида Александровна пришла на встречу раньше условленного срока и ждала меня у входа в редакцию. Подхожу — стоит женщина с пышными пепельными волосами, стройная, в элегантном светлом костюме с разноцветными наградными планочками (у неё два ордена и более двадцати медалей, самая главная из которых — за участие в партизанской борьбе).

Когда наш фотокорреспондент устроил «фотосессию» в рибинском скверике, шутила весело, как-то совсем по-девчоночьи лучисто улыбалась нам. Добрую энергетку в ней годы не истребили, хотя здоровье уже шалит, ходить тяжело, нога побаливает. И о смерти речь заводит спокойно, хладнокровно, по-стариковски.

На память от войны осталось ранение в правую руку. Автоматная пуля чуть повыше ладки перебила нерв, отнялись навсегда три пальца. Она пишет наловчилась двумя — безымянным и мизинцем. Когда после войны в органы безопасности её принимали, угалила эту свою «особенность»: побоялась, не возьмут. Зинаида Александровна дослужилась до капитана. Почитай, полвека сотрудничала со службой госбезопасности. И сейчас её на все праздники приглашают, любят, уважают.

А её и невозможно не любить. Интересная, умная, весёлая, с хорошим чувством юмора.

Биографически-последовательного рассказа о войне как-то не получилось. Да, может, это и не нужно. Мы останавливались на каких-то памятных

эпизодах, деталях, выхватывая их из мозаики памяти.

Рассказывала, как довелось работать в госпитале в перевязочной, когда под Москвой вовсю шли ожесточённые бои, и вот однажды привезли много раненых бойцов. Среди них молодые танкисты, у которых ранения сплошь в бедро почему-то были. И, сами понимае, исподнее мешало по всем правилам повязку накладыв-



тонкая, с толщиной ствола в женский кулачок, берёзка. Зина подбежала к ней и прижалась к стволу... Вдруг слышит... под собой: «Эй, ты тут что усе- лась?». Оказывается, девочка

Партизанка



З.А. Швецова слева.

взгромоздилась на партизанский дот. Ребята потом долго смеялись: «Ты чего туда полезла-то?».

Недоразумений в начале лесной войны у неё было немало: то совиный крик за чело- вечий приняла, то пни за фашистские головы... Потом пришли уверенность и хладнокровие. Участвовала во многих операциях, даже в подрывных, видела, как убивали.

— Голодно было в отряде? — спрашиваю.

— Бывало, и конину есть приходилось. Только у ребят рука не поднималась своих лошадей убивать, пригласили кого-нибудь из ближайшей деревни. А картошка всегда была...

Кстати, про картошку. Однажды несколько подвод двинулись ночью с провозжатым из одной деревни за картошкой, которая была спрятана селянами в специальных ямах. Что-бы эти ямы не потерялись, над ними маленькие шашки со- оружены были. Подъехали наши, Зину с одним парнем в разведку послали.

— Видим, около одного из шашалей немец стоит, интересуется, — вспоминает Зинаи-

да Александровна. — Ноги в раскоряку, как сейчас в кино показывают. Мы подмогу позвали и убрал тихонечко фрица. Картошку набрали и в обратный путь. Когда на операцию уходили, командир строго настрого приказал: «В бой не ввязываться!». Но мы от радости всё равно нашкодили: когда недалеко от немцев проезжали, гранулы хором: «Броня крепка, и танки наши быстры!». Те начали шоссё обстреливать, а мы по просёлочной уехали... За эту художественную самостоятельность нам от командира досталось, хотел было двое суток ареста назначить, потом посмотрел на до- бытый нами провиант и ска- зал: «Спасибо»...

Пришлось Зинаиде не только в операциях поучаствовать, но и в боевых действиих. Правда, только четыре дня (всего в отряде была год). Ранение в руку сделало невозможным дальнейшее пребывание в отряде, стрелять не получалось, пальцы не работали...

Для участия Зинаиды Александровны в параде в Москве, посвящённом 40-летию Победы, была дана боевая характеристика «на члена партизанского отряда им. Дзержинского З.А. Ворогушину (по мужу Швецова)». Вот что в ней написано: «С момента прибытия её в отряд в качестве рядового бойца товарищ Ворогушина показала себя как смелая и принципиальная девушка. Хорошо участвовала в ряде проводимых отрядом операций по борьбе с немецкими оккупантами. За хорошие волевые и боевые качества командование отряда назначило товарища Ворогушину политруком роты. Товарищ Ворогушина, расположившись вместе со своей ротой в обороне в местечке Красная Слобода, опять показала своё мужество, отвагу и героизм в разгроме немецких оккупантов. Рота, где была товарищ Ворогушина, за четыре дня боя с фашистами истребила до сорока гитлеровцев. 29 мая 1943 года противник с превосходящими силами при поддержке танков и артиллерии пошёл в атаку. В этом бою товарищ Ворогушина была ранена.

П.п. (подлинник подписали) командир отряда Колтыков... комиссар отряда Гришальев... — За четыре дня боя мы почти глаз не смыкали, — вспоминает женщина, — но сознаю, что, мы защищаем свою землю, давало силы... Помню, как один взятый в плен фашист дерзко бросил: «Вы, партизаны, по сути, бандиты, вы выюете не по правилам». А они, захватчики, значит, по правилам...

Что ж, у войны, по сути, одно непререкаемое правило: тот, кто сражается за свободу своей земли, всегда прав!

Ангела САХОНОВА.
Фото Андрея САСИНА.

желе, чем на войне. Но со временем кошмары закончились. Устроился на работу счетоводом в отдел социального обеспечения Заводского района (математика мне всегда легко давалась). Параллельно поступил в вечернюю школу. А потом в Орловский педагогический институт.

Получив диплом педагога, Василий Николаевич Бочаров по распределению уехал учительствовать в Читинскую область. Здесь он встретил свою судьбу с красивым именем Жанна. Здесь родились сыновья. В Орле Бочаровы переехали в 1962 году: в суровом бурятском климате слишком часто болели дети.

Сначала Василий Николаевич работал заведующим в девятой школе, а потом возглавил 24-ю среднюю общеобразовательную. Здесь его помнят, уважают и очень любят.

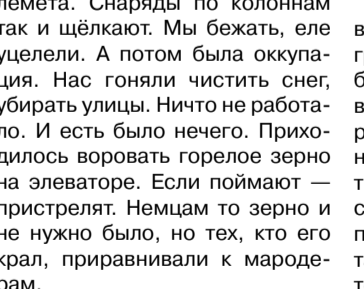
По характеру Бочаров-старший — настоящий боец. Несмотря на слабое здоровье (Василий Николаевич сейчас практически не видит), он не делает для себя никаких послаблений. Помогает супруге по хозяйству. Даже на даче регулярно бывает.

Мы от всей души поздравляем ветерана с 65-й годовщиной освобождения Орла от немецко-фашистских захватчиков и говорим спасибо за всё, что старшее поколение сделало для нас.

Ольга ЧАНОВА.
Фото Андрея САСИНА.

Из нас, ребят, учившихся в старших классах Орловской 11-й (бывшей 34-й) и Звягинской школ, сформировали отряд в 25-30 человек и направили в расположение Орловской стрелковой дивизии под Ельню, — вспоминает Василий Николаевич. — Где-то до середины августа мы строили линии обороны, рыли противотанковые рвы. А когда немцы уже совсем близко подошли, нас погрузили в машины и отправили через Калугу домой.

За то время, что мальчишек не было в городе, он изменился до неузнаваемости: разбитые улицы, сгоревшие дома, зияющие чернотой воронки от бомб... В школе теперь располагался госпиталь. Занятий в сентябре почти не было — ездил на картошку в колхоз, а в конце месяца и вовсе учился перестали. В Орле наступило затишье, страшное и гнетущее. Не ходил транспорт. Горели склады, элеваторы,



Крайний слева — Василий Бочаров.



Крайний слева — Василий Бочаров.

артиллерия, меня скрутила лихорадка. Колотило так, что вырзати нельзя. Но за пару минут до атаки всё прекратилось — дрожь как рукой сняло. Ранули вперёд и как-то сумели проскочить, ворваться в немецкие траншеи до того, как противник открыл огонь. Это нас и спасло.

А другие ребята полегли. Когда шли в атаку, видел, как рядом упал сержант Кликин: ранение в живот. Кажется, до сих пор его крик слышу. Но помочь я ему ничем не мог, не имел права останавливаться. Для наступающих был только один приказ: вперёд! В том бою наша штурмовая группа попала в окружение, но отделение сумело прорваться и выйти к своим. А там нас за шиворот и в куτούку, дескать, кто такие: свои или диверсанты, ещё про-

штурма под Псковом Василий получил тяжёлое ранение в ногу и попал в госпиталь. Только в июле бойца перевели в роту выздоравливающих, а затем направили в пятую ударную армию командиром расчёта станкового пулемёта. После кровопролитных боев пятая ударная попала в окружение под Ковелем.

Перед началом наступления на Варшву 248-я дивизия, в которой служил Бочаров, получила пулемёты воздушной обороны ДШК. И Василий был назначен командиром расчёта зенитного пулемёта. В его ведении были два человека из расчёта, навод- чик, ездовой, две лошади и снаряжение.

— Наступательную операцию с Сандмирского плацдарма было решено начать раньше запланированного срока. За одиннадцать суток мы прошли 550 километров. Если были налёты, поддерживали пехоту огнём. Но в это время у немцев авиации было не так много. Так что до Одер-а мы дошли без особых потерь, форсировали реку и заняли маленький плацдарм. Немцы ответили контратакой и почти сбили нас, но один полк сумел зацепиться и отбросить немцев. Здесь служил и я. Нашему командиру дали Героя Советского Союза. А потом было наступление на Берлин. 24 апреля войска пятая ударной армии вступили в пригород Берлина и стали медленно продвигаться к Рейхстагу. Сразу скажу, в Рейхстаге был, но на стенах не расписывался, там



уже столько без меня надписей оставили.

Демобилизовался Василий Бочаров только в 1947 году. Ещё почти два года он служил в группе советских войск в Германии. В Орле на вокзале бойца встречали родители. На груди сына красовалась медаль «За отвагу», медали за взятие Варшавы и Берлина, орден Отечественной войны I степени.

— Война не снилась? — спрашиваю Василия Николаевича.

— Года полтора всё в атаку ходил. Долго старался забыть. Но как? Столько смертей, столько ребят, с которыми когда-то учился, не вернулся... Тяжело было от одной этой мысли, тя-